

АННА ЯМПОЛЬСКАЯ

“Ты не заговоришь на моем языке...”

[267]

ИЛ 6/2020

Литературно-переводческий фестиваль “Бабель” (то есть “Вавилон”) — одно из самых заметных событий в культурной жизни Швейцарии. Фестиваль проходит ежегодно в кантоне Тичино, в Беллинцоне — столице и одновременно, по европейским меркам, тихом провинциальном городке, в стране, для которой многоязычие — повседневная реальность, где каждый, желая того или нет, является переводчиком. Всякий раз для этого задорного, нонконформистского фестиваля выбирают тему, связанную с отдельной страной (Польша, Россия, Бразилия, Мексика, Палестина, Швейцария и др.), регионом (Балканы, франкоязычная Африка или Америка) или городом (Лондон). Первый “Бабель”, состоявшийся в 2006 году и отметивший пятидесятилетие известных событий в Венгрии, прошел под девизом, позаимствованным у Бродского: “Перевод — это искусство возможного”. Как подчеркивают организаторы фестиваля, Вавилон для них — не символ разобщенности и непонимания, а залог счастливого разнообра-

зия и необходимости выстраивать отношения с “другими”, обеспечивать общение между людьми и культурами. При этом перевод понимается в самом широком смысле: не только как переход с одного естественного языка на другой, но и как переложение произведений литературы на язык изобразительного искусства, кино или музыки.

За годы своего существования фестиваль, программа которого предусматривает открытые лекции, встречи с писателями и переводчиками, дискуссии, мастер-классы, показ кинофильмов и концерты, а также отдельную программу для профессионалов издательского дела, завоевал невероятную популярность. Перед его гостями выступали Дерек Уолкотт и Людмила Улицкая, Хелена Янечек и Фабио Пустерла, многие другие известные поэты и прозаики. Фестиваль заслуженно отмечен Швейцарской литературной премией за перевод и посредничество в сфере литературы, а также Специальной премией Швейцарского Федерального агентства по культуре.

Выбирая тему фестиваля и готовя программу, его организаторы, как правило, предлагают самые нетривиальные ре-

шения. Так, рассказывая о Лондоне, они не ограничились собственно английской литературой, а постарались показать вавилонское многоязычие этого современного, мультикультурного мегаполиса. В 2017 году фестиваль был посвящен совсем неожиданной теме — Загробному миру, смерти и языку, которым об этом рассказывает словесность. Тема, выбранная для фестиваля в 2019 году, также звучит как вызов: “Non parlerai la mia lingua” — “Ты не заговоришь на моем языке”. Употребление будущего времени придает фразе категоричность и, на первый взгляд, лишает надежды, однако, как подчеркнул неизменный директор фестиваля “Бабель” Ванни Бьянкони, организаторы намеренно сосредоточились на парадоксе коммуникации, которая разворачивается там, где, казалось бы, всякая возможность коммуникации исключена. В центре внимания — все, что “находится на периферии естественных языков: выдуманные, исчезнувшие языки, языки, которые, возможно, возникнут в будущем, жаргонные, презираемые, научные, безмолвные, визуальные и загадочные языки”. Языки, описывающие возможные миры (язык антиподов у Рабле, язык страны Тлён у Борхеса, языки, придуманные Толкином, выдуманный персидский в “Диалоге о главнейших системах” у Ландольфи и т. д.). Идеальные, логико-математические языки; зашифрованные языки и анаграммы; тайные, сакральные языки, предполагающие обряд инициации; языки глухонемых и слепых; мар-

гинальные языки, диалекты, патуа — одним словом, все, что не попадает в границы привычной нормы, привычного процесса вербального общения.

Чтобы как можно полнее раскрыть заявленную тему, организаторы подготовили весьма разнообразную и насыщенную программу (фестиваль проходил с 12 по 15 сентября 2019 года). В ней нашлось место для вполне академической лекции почетного профессора Цюрихского университета Нунцио Ла Фаучи, рассказавшего о разнообразии языков, о лингвистических воззрениях Данте и о неизбежной ограниченности всякого перевода. Главной приглашенной звездой фестиваля в этом году стал шотландец Ирвин Уэлш, символ контркультуры и автор легендарного романа “На игле”, по совместительству — успешный диск-жокей, продемонстрировавший эту грань своего таланта в вечер открытия фестиваля. На встрече с публикой Уэлш рассказал о своих книгах, в частности, о поиске языка, подходящего для правдивого описания жизни эдинбургских маргиналов, а его переводчики Джулиана Дзеули и Алан Альпенфельт поделились опытом перенесения этой взрывной языковой смеси в итальянскую и немецкую стихи: их задачей было передать “разговорный шотландский”, почти фонетическое письмо, близкий диалекту, но не совпадающий с ним, балансирующий на грани грамматической допустимости; найти соответствия характерным словечкам и выражениям, по которым в потоке текста можно узнать тех или иных героев; сохранить обсцен-

ную лексику и красочные метафоры, прежде всего описывающие сексуальную сферу.

О текстах, вынуждающих переводчиков изобрести особый язык, чтобы отобразить языковую необычность оригинала, подробно говорили на круглом столе, посвященном “экстремальному” переводу. Франка Каваньоли поделилась опытом работы над книгами “Гекльберри Финн” Марка Твена и “Толый завтрак” Уильяма Берроуза; Роберто Франкавилла рассказал о переводе сочинений Клариси Лиспектор; Моше Кан — о воссоздании на немецком постмодернистского письма Стефано Д’Арриго. Разумеется, не могло не прозвучать имя Джойса: Фабио Педоне подробно рассказал о мучительной работе над итальянским текстом “Поминок по Финнегану”.

Гости фестиваля получили возможность встретиться с такими видными авторами, как Эральдо Аффинати, Марияпия Борньини, Элена Станканелли, мексиканка Валерия Луизелли, уроженец Эритреи Сулейман Аддония, а также восходящая звезда итальянской литературы — Клаудия Дурастанти. Ее роман “Чужестранка”, рассказ о жизни девочки, которая прекрасно слышит, хотя и родилась у глухонемых родителей, эмигрантов из Лукании, о ее детстве в Бруклине и о возвращении в Италию, вышел в финал премий “Стрега”, “Рапалло” и “Виареджо”. Писатели не просто говорили о своих книгах, а постоянно возвращались к теме языка — языка молчания, в котором замыкается тот, кто неспособен найти слова для описания пережитого, язы-

ка мигрантов, покинувших родину и вынужденных начинать жизнь с нуля в новом мире, где говорят на новом для них языке. Символично, что встреча Клаудии Дурастанти и Сулеймана Аддония, посвященная теме глухоты, жизни в беззвучном мире, общения глухонемых со слышащими, синхронно переводилась на язык жестов.

Столь же яркой и незабываемой оказалась беседа между Паоло Альбани — писателем, исследователем всяческих лингвистических диковин, автором множества научных трудов, составителем “Словаря воображаемых языков”, автором книги “Курьезная библиофилия. Воображаемые, странные, не написанные и поддельные книги”, членом “Мастерской потенциальной литературы”, и легендарным графиком Луиджи Серафини, автором “Codex Seraphinianus”, которым восхищались Кальвино и Барт, Манганелли и Тим Бертон. Паоло Альбани рассказал о феномене воображаемого языка и привел множество примеров с древнейших времен и до наших дней. Говоря о XX веке, он подчеркнул, что появление искусственного языка зачастую связано не столько с желанием придумать средство общения, недоступное непосвященным, сколько с осознанным или интуитивным неприятием обычного, повседневного или официального, газетного языка, который воспринимается как выхолощенный, механический, пустой. По мнению Альбани, дадаистами, футуристами и сюрреалистами, а также их последователями двигало, прежде всего, желание возродить

подлинный, могучий, исконный язык. Не говоря уже о том, что языковое единообразие, автоматизм речи, в которой не осталось места фантазии, напрямую связан с тоталитаризмом, навязывающим везде и во всем единственное допустимое решение. Особенно приятно, что, рассуждая о выдуманных языках и лингвистических экспериментах, Паоло Альбани нередко опирался на примеры, связанные с русской литературой и культурой, — он упомянул заумь, теоретические взгляды Романа Якобсона на перевод и даже пушкинского кота ученого, порассуждав о символическом смысле хождения “по цепи кругом”. Луиджи Серафини, в свою очередь, подробно рассказал о том, как у него возникла идея составить “Кодекс”, почему он выбрал для него литературную форму энциклопедии, в которой каждая статья превращается в короткий роман. Он также поведал о непрекращающихся попытках расшифровать содержащиеся в “Кодексе” письмена — выдуманный язык с выдуманной графикой, тексты на котором, если верить автору, не несут осмысленного содержания и всего лишь представляют собой упражнение в графическом дизайне и каллиграфии. Впрочем, верить автору не хочется и не получается, слишком сильно очарование загадочной книги, о которой верно сказал Кальвино: “Мне кажется, что для Серафини подлинная ‘веселая наука’ — лингвистика. Письменное слово живет (уколетшь его булавкой — потечет кровь), при этом оно наделено автономностью и телесностью, оно способно стать трехмерным,

многоцветным, взлететь над страницей на воздушных шариках или опуститься на нее на парашюте. Некоторые слова можно удержать на странице, только пришив их к ней, пропустив нить в петельки стоящих рядом букв. Если посмотреть через лупу, видно, что по тоненькой ниточке чернил течет плотный поток значения — как на автостраде, как в бурлящей толпе, как в кишасей рыбами реке”.

Любопытным и чрезвычайно полезным продолжением разговора о выдуманных языках и о “Кодексе” Серафини стал мастер-класс Паоло Альбани и молодой переводчицы Камиль Люшер. Участникам семинара было предложено пойти по пути, проложенном Джеймсом Джойсом и Умберто Эко, Дарио Фо и Итало Кальвино (в ипостаси переводчика “Голубых цветочков” Раймона Кено), не говоря уже о Льюисе Кэрролле, и попробовать свои силы в сражении со словами, фразами и текстами, перевод которых требует немало фантазии: от перевода-звукоподражания (когда “rougqoi” превращается в кваканье лягушек) до так называемых “слов-бумажников” (например, “umanologo” — “человековед”, ср. “языковед, востоковед”), от ориентации исключительно на графический облик слова до опоры на строгую морфологию, как в придуманной Щербой истории про драчливую “глокую куздру”. И так далее, вплоть до стихотворения “Облака” дадаиста Хуго Балля или знаменитых стихотворений Фоско Мараини, — эти по-

следние написаны с неукоснительным соблюдением грамматики, включают порой настоящие итальянские слова (союзы, частицы, артикли и т. д.), но по большей части используют слова, которых в итальянском нет, хотя они и могли бы существовать. Создается иллюзия понимания: так бывает, когда кто-то неподалеку читает стихи, — ты их толком не разбираешь, но угадываешь содержание. Вот, например, первый катрен прелестного сонета, главный герой которого — непокорный Лонфо, одним представляющийся как живое существо, другим — как горная река и т. д.:

Il Lonfo non vaterca né gluisce
e molto raramente barigatta,
ma quando soffia il bego
a bisce bisce
sdilenca un poco e gnagio
s'archipatta¹.

Сталкиваясь с подобными текстами, переводчик более чем когда-либо превращается в со-творца, встает рядом с автором. Таким же примером совместного сотворения текста стал перформанс немецкоязычного поэта Михаэля Фера, лауреата Швейцарской премии по литературе 2018 года, и его переводчицы на итальянский Роберты Гадо. На сцене театра Михаэль то ли читал, то ли пел, то ли танцевал свои стихи, а присутствующая на той же сцене Роберта их переводила словами и жестами, подыгрывала автору, бросала ответные реплики, выступая в спектакле как равноправный партнер. Пожалуй, это стало лучшим подведением итогов фестиваля и самым убедительным подтверждением достоинства ремесла, которое порой кажется безнадежным.

1. Тот Лонфо не тещёт и не стрелится / и редко он бывает пречекоем...; / Лонф не пурунит и не пурумунит / и лишь порой он кунит куриматно... — вариантов перевода может быть сколько угодно, мы со студентами Литинститута с удовольствием проделали это упражнение.